

***Языки религии в чувашской диаспоре
Московского региона
The Languages of Religion among
the Chuvash Diaspora in the Moscow Region***

Куцаева М.В.

Kutsaeva M. V.

В статье исследуется проблема доступности религиозной литературы и текста литургии на чувашском языке в среде чувашеговорящих представителей чувашской диаспоры московского региона, а также вопросы их приобщения к религиозной жизни на чувашском языке; ставится задача изучения доступности понимания как старых, яковлевских, текстов, так и нового перевода Библии.

Ключевые слова: чувашский язык, диаспора, Библия, яковлевские переводы Библии, современный перевод Библии РБО, религиозная литература и литургия, доступность понимания переводов Библии

This article focuses on the accessibility of religious texts and liturgical materials in the Chuvash language to members of the Chuvash diaspora living in the Moscow region, as well as their involvement in religious activities in the Chuvash language. Both the earlier Chuvash Bible translation that dates back to I. Ya. Yakovlev at the turn of the 20th century and the modern translation of the Bible by the Bible Society in Russia are examined.

Key words: Chuvash language, diaspora, sociolinguistics, Bible translation, I. Ya. Yakovlev, Bible Society in Russia, religious literature and liturgy

1. Введение

Чуваши — самый многочисленный тюркоязычный народ на территории России, исповедующий православие. Становление чувашского литературного языка, его кодификация и нормирование стало во многом возможным благодаря переводам Священного Писания. Одними из первых в России чувашки получили полный перевод Библии на родном языке — в 2009 г. Богослужения на родном языке они стали проводить начиная с XIX в.

В чувашеведении традиционно выделяются три этапа в переводе Священного Писания: первый — дояковлевский¹ этап, приходящийся на начало XIX в., завершившийся публикацией Четвероевангелия в 1820 г. и подчеркнувший необходимость перевода библейских книг на чувашский язык [Мукина 2012: 305], второй — яковлевский этап (вторая половина XIX – начало XX в.), знаменующий собой развитие и нормирование чувашского литературного языка, разработку основных принципов переводческой деятельности и издание Нового Завета в 1911 г. (воплощению остальных замыслов, публикации Ветхого Завета в частности, помешали революционные события 1917 г.), и третий этап — современный. В 2009 г. было сделано два перевода. Российское Библейское Общество (РБО) выполнило перевод полного текста Священного Писания, в том же году Институт перевода Библии (ИПБ) выпустил перевод Нового Завета под грифом РАН (переиздавался в 2012 г.). Перевод ИПБ, к сожалению, не получил благословения митрополита Чебоксарского и Чувашского, в отличие от перевода РБО, по этой причине он не используется в литургии и, соответственно, не известен респондентам, участвовавшим в опросе, на материале которого написана данная статья.

¹ Дояковлевский этап предшествовал созданию чувашского нормированного литературного языка. Яковлевский связан с деятельностью просветителя чувашского народа И. Я. Яковлева (1848–1930)

Автором настоящей статьи проводилось социолингвистическое анкетирование в среде чувашской диаспоры московского региона. Респондентам, в частности, задавались вопросы о языке религии. В ответ на вопрос о том, какую религию исповедуют конкретно опрашиваемые или чувашши как этнос в целом, было названо православие. Некоторые, особенно молодые респонденты, отметили, однако, что наряду с почитанием христианских традиций чувашам свойственно сохранять и некоторые исконно чувашские, языческие: «Я вообще считаю, что сами чувашши еще не стали полностью христианами, они где-то на полпути застряли, от традиционной религии идут к христианству» (Оксана А., 25).

Как выявил опрос, среди 85 представителей первого поколения, обосновавшихся в московском регионе, 33 % этнических чувашей крайне редко или почти никогда не посещают церковь, остальным 67 %, по их словам, доводится бывать в храме и следовать хотя бы время от времени православным традициям.

Среди тех, кто не посещает службы при православном храме ни в московском регионе, ни у себя на малой родине мужчины составляют 61 %, женщины — 39 % от общего числа неверующих или невоцерковленных людей. В группе мужчин есть как лица пожилого возраста, так и представители возрастных категорий 20–30 и 30–40 лет, в отличие от женщин, среди которых практически все старше пятидесяти лет. Есть женщины совсем пожилые: «Ноги болят, не могу стоять службу» (Анна, 78), есть с высшим образованием, 50–60 лет: «Нас так воспитали, я закончила педагогический, нам так в свое время внушали» (Любовь Я., 59). Единственное исключение в выборке составила молодая женщина, состоящая в этнически смешанном браке: «Мой муж — татарин, я чувашка, поэтому у нас светская семья» (Татьяна Ю., 33).

2. О распределении чувашского и церковнославянского языков в сфере богослужения в Чувашской Республике

Как уже было сказано выше, существенную долю от общего числа опрошенных (67 %) составляют респонденты, которые чтут православные традиции и которые отметили, что на малой родине, в Чувашии, им доводится посещать службы. Богослужение в Чувашии, как выяснилось в ходе интервью, совершается как на церковнославянском, так и на чувашском языке. При этом чувашский язык обслуживает в основном храмы в сельской местности (подобная дистрибуция характерна в целом для сложившейся языковой ситуации, когда русский язык распространен в городах и крупных районных центрах Республики, а чувашский — в сельской местности).

Во-первых, в ходе опроса была выявлена корреляция между использованием того или иного языка в городском или сельском приходе. Как мужчины, так и женщины совершенно разных возрастных категорий указывали на то, что в сельской местности церковные службы ведутся на чувашском языке. «Там, у себя в деревне, по-чувашски ведется. Я была в Пасху. Была. Там народ собирается, много народа, конечно» (Вера А., 53). «На службы я хожу в деревне, там христианская религия наша всегда была по-чувашски у нас» (Герольд С., 51). Что касается районных центров, то со всей очевидностью ясно, что русский язык там вытесняет чувашский не только в светской сфере, но и в религиозной, где используется его аналог — церковнославянский: «В соседней деревне у нас там, конечно, по-чувашски. А в районной церкви — там на русском» (Вера Т., 52). В городских храмах службы, по признанию опрошенных, ведутся на церковнославянском (в терминологии опрошенных — на «русском» языке). «В городе хожу в церковь, там по-русски» (Ирина, 44).

Во-вторых, ряд опрошенных назвали конкретные районы, в которых богослужение ведется на том или ином языке, что

в какой-то мере также соответствует распределению русского и чувашского языков и языковой ситуации в Республике в целом — с преобладанием того или иного в зависимости от района республики [Алос-и-Фонт 2015: 48–166]. В Чебоксарах нашим респондентам приходилось присутствовать на службе, язык которой был в подавляющем большинстве случаев церковнославянский («русский»). «В основном я бывала в Чебоксарах, на русском была служба» (Надежда И., 22). «Я очень верую. Обязательно. В Чебоксарах — на русском, а бывает иногда и на чувашском» (Надежда Л., 53). В крупных населенных пунктах республики — городах и поселках городского типа, по-видимому, и в религиозной сфере распространен скорее церковнославянский («русский») язык: «В Козловке как-то раз с подружкой ходила в храм, службы там были на русском. Козловка-то в основном — это русское было поселение, и поэтому там, в основном, все на русском языке» (Юлия А., 82). «Там, на родине, в Вурнары, тоже на русском. Насчет чувашского — не слышал» (Евгений С., 36). Службы на чувашском проводятся, согласно ответам респондентов, в следующих районах: «Смотря где, а в Яльчиках, конечно, все по-чувашски» (Евгений, 32). «У нас в деревне все по-чувашски. Яльчики — это единственный район в Чувашии, где именно на чувашском разговаривают и в церкви тоже служат» (Дмитрий М., 33). «Вот в Красночетайском районе на чувашском языке, это зависит от монастыря самого. Они сами выбирают язык» (Маргарита Е., 43). «В Цивильске церковь — на чувашском служба» (Николай Д., 57). «У нас рядом есть село Альгеши, там есть церковь, службы там на чувашском» (Надежда К., 26 лет). В качестве заключения приведем следующие слова одной из респонденток: «В Моргаушах (райцентр — М. К.) язык церкви — русский, а в глубинке — чувашский. Потому что они несут информацию на чувашском, более доступном языке» (Татьяна К., 31).

В-третьих, некоторые респонденты указывали на то, что богослужение на том или ином языке зависит от священника,

в приходе которого ведется служба. Зачастую, этническая принадлежность священника влияет на выбор языка богослужения. «Язык церкви — чувашский у нас, я ходил в храм, на Пасху. Вот у меня друг детства отец Сергей. У него под рукой три района. Службы на чувашском у него, он же чуваш» (Владимир С., 39). «Мне кажется, язык в храме именно от батюшки зависит. Батюшка в этом именно поселке — он старенький, там полностью на чувашском» (Надежда К., 26 лет). «У нас в селе восстановили церковь, на чувашском службы, потому что батюшка — чуваш» (Валерий Т., 59). Естественно, чувашские священники используют в богослужении и церковнославянский («русский») язык: «Храм у нас там и на русском, и на чувашском. Потому что поселок у нас считается русский больше. Но служба бывает и на чувашском. Это зависит от батюшки. До этого у нас жил батюшка с поселка, он на чувашском читал больше, конечно» (Ирина Л., 50). Иногда выбор языка зависит от определенных обстоятельств: «Когда я ездил туда на похороны, там у нас был батюшка, наш родственник, чуваш. И вот батюшка, когда, например, видел, что русские, на русском службы проводил. А когда не было, например, меня с семьей, тогда — на чувашском. Нас там венчали с женой. Но на русском было, потому что жена моя по-чувашски не понимает, и потом все это религиозное — все соответствует, все одинаково. Абсолютно» (Дмитрий С., 62). Однако, в том случае, когда священник — не чувашеговорящий (русский или представитель другой национальности), тогда в богослужении используется церковнославянский. «Но бывают попы, которые не знают по-нашему, тогда на русском» (Нина П., 54). «Батюшка приходил, когда папа умер. Но он русский был, на русском. Куда деться? А вот бабушки не понимали, мы переводили немножко. Это русский батюшка был, пришлый» (Надежда Л., 53). «А теперь у нас батюшка вообще с Украины, он чувашского совсем не знает, только по-русски» (Ирина Л., 50). Иногда выбор языка богослужения, как оказалось, зависит и от певчих в храме. «В нашем

храме на каком они захотят, на таком и поют, хоть на русском, хоть на чувашском», — подтвердил в краткой беседе слова респондентов протоиерей Владислав Агниашвили (храм Новомучеников и исповедников российских г. Чебоксары). Причина выбора языка, однако, не была им пояснена. «Певчие могут петь и по-чувашски. И поют, конечно. И бабульки к ним тогда присоединяются на чувашском» (Ирина Л., 50).

3. Дистрибуция церковнославянского и чувашского языков в сфере богослужения в Чувашской митрополии и в некоторых других митрополиях в районах с компактным проживанием чувашского населения в историческом ракурсе

На официальном сайте Чувашской митрополии [<http://www.cheb-eparhia.ru>] вся информация предоставляется исключительно на русском языке, обращение в Чувашскую митрополию через сайт с просьбой уточнить существующую ситуацию с распределением языков в сфере богослужения в Чувашской республике, осталось без внимания. Что касается упоминания чувашского на сайте, то в разделе «Библия на чувашском языке» посетителям предлагаются отрывки (на русском языке) из статьи Е. Н. Лисиной об основных этапах перевода Библии на чувашский, сам текст Библии на чувашском на странице не выложен [<http://www.cheb-eparhia.ru/Hierarhy.aspx?id=65>].

Как показало детальное изучение списка храмов по некоторым благочиниям в Чувашской митрополии [<http://batyrevo.blagochin.ru/xramy/>, <http://cheb2blago.cerkov.ru/xramy/>, <http://ibresy.blagochin.ru/xramy/>, <http://cheb6blago.cerkov.ru/xramy/>] с прилагаемой к ним краткой информацией по каждому храму (всего на эти благочиния, согласно информации на сайтах, приходится 56 культовых объектов), язык богослужений в них либо церковнославянский (в подавляющем большинстве

случаев — в 45 храмах), либо не указан вовсе (в случае источников и часовен, 11 объектов). Одним из немногих храмов в республике, на сайте которого дублируется информация для посетителей сайта и прихожан самого храма как на русском, так и на чувашском языке (в том числе молитвы, а также в специальном разделе выложены беседы с чувашскими священниками на чувашском языке), является православный приход храма Божией матери (г. Мариинский Посад Чувашской Республики) [<http://kazmariinsk.prihod.ru>].

О национальном составе духовенства в чувашских приходах, кажется, было трудно судить и раньше. В XIX – начале XX вв. статистика по данному вопросу отсутствовала, но в основном, видимо, духовенство состояло из русских, в отдельных случаях служителями были чувашские священники [Браславский 1995: 19]. В начале XX в. «в инородческих православных церквях богослужение должно свершаться на местном языке вполне или пополам с церковнославянским, смотря по числу присутствующих, а при исполнении треб у чувашей — употреблять только их язык. Если псаломщик русский и не знает чувашского языка, при церковной службе поручать учителю или способному ученику церковно-приходской школы оказывать помощь. Мир и тишину в храме должна охранять полиция» [Браславский 1995: 18–19]. Более того, накануне революционных событий 1917 гг. стали звучать более категоричные требования о назначении в чувашских приходах духовенства из чувашей или чувашеговорящих [Браславский 1995: 20].

Последующие события февраля и октября 1917 г. создали новую социальную реальность, «которая поставила Русскую православную церковь перед необходимостью адаптации к принципиально иным условиям существования» [Браславский 1995: 129]. На фоне кризиса традиционного русского православия появились сторонники либерально-обновленческого движения, настроенные на реорганизацию церковного комплекса, в том числе в недавно созданной Чувашской

автономной области. Поначалу не поддержанные на съездах духовенства, обновленцы, однако, набирают силу: к лету 1923 г. под их контролем более половины церковных причтов, что сделало возможным добиться в ВЦУ образования Чувашской епархии. В разгар борьбы сторонников патриарха Тихона и обновленцев в Чувашии возникает также группа чувашских священников во главе с протоиереем В. Красновым за создание Чувашской областной автокефальной национальной православной церкви [Браславский 1995: 138–140]. Среди прочих требований они выдвигали следующие: «родной язык в богослужении и вообще приближение богослужения к национальным особенностям чувашской психики», «выборные начала для всех священно- и церковно-служительских должностей. Указанные служители должны быть избраны из своей национальной среды, ибо для верующих может быть более близок и понятен тот пастырь, который родной ему (верующему) по духу, вере и по естеству» [Берман 2009]. Кроме того, у ряда служителей возникает мысль о создании чувашской митрополии. Однако поддержки со стороны верующих они не получили, таким образом, «идея автокефалии и митрополии на этом завершилась» [Браславский 1995: 140].

После войны, начиная с 1946 г., происходит не только рост числа приходов в Чувашии, но и увеличение численности духовенства, в том числе чувашского, некоторые чувашские священники добились определенного авторитета и признания. С появлением в епархии священников-чувашей происходит и возрождение церковной службы на чувашском языке. Вместе с тем и русские священники в некоторой степени способствовали этим сдвигам: так, в чебоксарском Введенском соборе службу на чувашском ввел протоиерей Борис Зороастров, русский по национальности. Однако долгое время циркулировали слухи о том, что чувашских священников, даже тех, кто закончил духовную академию, отправляли при этом служить в глубинку, оставляя городские приходы в ведении русскоязычных священников. В ходе распада СССР волна «мобилизованного

лингвицизма» захлестнула и часть чувашского духовенства: например, возникла идея открытия чувашского православного прихода, в печати появились статьи чувашских священников с открытым требованием, что «проповедь Евангелия должна проводиться на родном языке». В конечном счете речь снова зашла об учреждении чувашской автокефалии. Ввиду этого епархиальным управлением была скорректирована национальная политика: более активным стало участие епархии в переводе Библии, издании чувашской церковной литературы, в числе обязательных предметов в Чебоксарском духовном училище стал чувашский язык, подробнее об этом см. [Берман 2009].

Более того, в августе 2015 г. в соборе Святого равноапостольного великого князя Владимира в Новочебоксарске Патриарх Московский и всея Руси совершил божественную литургию: «богослужение совершалось на церковнославянском и чувашском языках. Ряд литургических возгласов Святейший Патриарх Кирилл произнес на чувашском языке» [http://gov.cap.ru/Publication.aspx?gov_id=49&id=2606133].

Что касается регионов с компактным проживанием чувашей, то, кажется, ситуация с богослужением на родном языке там не вызывает сильной обеспокоенности. Так, в Татарстане в религиозных православных общинах используются родные языки прихожан в качестве литургических. «В нашем храме Николая Чудотворца в селе Алешкин Саплык Дрожжановского района чувашский язык используется совместно, то есть вперемешку с русским на службах» (Оксана А., 25). Принципиальным сторонником такого подхода до недавнего времени являлся председатель Казанской епархии архиепископ Анастасий (Меткин), традиционно рукополагающий для чувашских сел Татарстана священников-чувашей и благословляющий их служить на родном языке. Чувашский православный приход действует и в Казани» [Гаврилов, Шевченко 2007: 107]. По словам респондентов, богослужение на чувашском проводится и в некоторых храмах Ульяновской

области: «У нас в церкви в Кундюковке (Цильминский район Ульяновской области — М. К.) служба на чувашском, а как же, в деревне-то! Бабушки-то все чувашские, батюшка тоже чуваш, он из Чебоксар, кажется, к нам приехал, из епархии оттуда» (Анна М., 65). Как сообщают СМИ, в 2015 г., следуя предложению областной национально-культурной автономии чувашей, с благословения митрополита Самарского и Сызранского было проведено первое богослужение на чувашском языке в одном из храмов Самары. Таким образом, самарские чуваша получили возможность участвовать в литургии на родном языке [<https://ch.versia.ru/v-samare-razreshili-cerkovnyue-sluzhby-na-chuvashskom-yazyke>].

4. Доступность богослужения и религиозной литературы на чувашском языке

Перейдем к вопросу доступности богослужения и религиозной литературы на чувашском языке. Из 57 респондентов, исповедующих православие, 24 человека так или иначе выразили свое отношение к литургии или конфессиональной литературе на чувашском языке, на основе высказываний последних были выявлены три группы респондентов.

Первая группа (восемь опрошенных) включает респондентов, которым трудно понимать чувашский язык, причем это не только пассивные носители чувашского языка («Я была на Пасху в позапрошлом году, но мне служба была непонятна. Я только «Христос чёрлёне!» ‘Христос воскрес!’ понимала. Непонятны для меня службы на чувашском языке, вообще» (Надежда К., 26 лет), «В бабушкины записи с молитвами на чувашском я заглядывал, но мне очень трудно. Мне непонятен сам язык» (Андрей Е., 30), но и активные билингвы: «На русском языке все равно понятнее. На чувашском языке некоторые вещи не понимаю. Даже когда человек умирает, мне дают... когда читаешь там эту книжку... Псалтирь, мне давали на чувашском языке, я многие вещи не понимала! Но я

машинально читала, сидела всю ночь, следующее утро. Но я многие вещи не понимала, мне понятнее на русском языке» (Маргарита Е., 43). «Вот я как-то на похоронах была у одних, я читала молитву на чувашском. Я сидела и читала и ничего не понимала там! Половину!» (Зоя А., 59).

Вторая группа респондентов (также восемь человек), активно владеющих чувашским языком, признает, что им безразлично, на каком языке ведется богослужение — на церковнославянском («русском») или на чувашском, поскольку им одинаково понятен и тот, и другой язык. «Служба *был* на чувашском языке. Я только там была на одном этом месте в храме. И все на чувашском. Мне и там, и здесь нравится. Я потому что и тот язык знаю, и этот. Он там тоже... так тянут-тянут» (Роза О., 45).

Наконец, в третью группу (соответственно, оставшиеся восемь человек) мы включили респондентов, которые признают, что чувашский язык в религиозной сфере им ближе: «Чувашский ближе мне. Я на русском молитвы, кроме «Отче наш», не знаю. А чувашские молитвы я знаю, больше воспринимаю, потому что мама молилась, молится по-чувашски. И в церкви молимся по-чувашски. Вот это так. Так было изначально» (Татьяна И., 35). «На чувашском понятнее, конечно же. Вся литература у нас дома духовная была на чувашском. Притом не было книг, это все переписывалось от руки, бабушка сама переписывала. Эти записи у нас до сих пор есть, мама читает. Да, все по-чувашски» (Оксана А., 25).

Несколько респондентов в данной группе отметили доступность чувашского не только по причине эмоциональной связи с родным языком, но и потому, что чувашские переводы духовной литературы имеют свои особенности, отмеченные нами выше: «Легче, это, естественно, воспринимается легче. И я сам очень люблю чувашские службы. Они понятнее, они нормальным чувашским современным литературным языком. Переведенные очень понятно. В отличие от русского» (Евгений С., 31). «Ну вот русский язык

в церкви — старославянский... он тяжелый язык, нам он не столько понятен. Потому что этим жить надо, чтобы понять. А чувашский церковный — он ближе к нашему чувашскому, у меня мать сильно верующая, она в хоры ходила и песни пела. Они мне были понятны» (Василий П., 39).

5. Эмоциональный аспект восприятия чувашского языка в сфере богослужения и религиозной литературы

Среди 57 респондентов в выборке, указавших, что они следуют православным традициям, хотя и не всегда регулярно, ряд опрошенных связали также вопрос о вероисповедании с далекими воспоминаниями детства: «На чувашском была служба, меня крестили в детстве втихаря, тайком от родителей, да, бабушка, на чувашском» (Лилия Е., 36). «Восемь километров пешком, помню, это в церковь. И было на чувашском языке, но село русское! Рядом в этом русском селе — кругом чуваша. И это всегда на чувашском языке причащали. И я вот очень хорошо помню: мне вот говорил батюшка на своем: “*Сăварна усарах нар*”. Мол, открой рот пошире! Вот так, раз батюшка был чуваш» (Анна М., 65).

Удивительно, но у мужчин разных возрастных категорий, кажется, чаще, чем у женщин религиозная сфера — как богослужение, так и конфессиональная литература — связаны с детством, с ушедшими из жизни родственниками: «Бабушка в детстве меня водила причащаться. Три вопроса на чувашском было» (Алексей Х., 29). «В деревне школьником меня крестили. Втихаря. Бабушка меня водила в Хормалы, на чувашском служба была. Моя бабушка даже русского не знала. Евангелие — все было у нее на чувашском» (Сергей И., 47).

Как видим, знакомство с православными молитвами, конфессиональной литературой происходило по инициативе старших родственников, в большинстве случаев — бабушки: «Вообще, достаточно серьезно относились к религии в

нашей семье. По крайней мере, бабушка. Так она Молитву Богородицы, “Отче наш” она назубок, все на чувашском, конечно! И первой бабушка меня научила чувашский “Отче наш” “*Çӳлти Аттемӗр*”, это было уже в осознанном возрасте. Я был уже в университете. Я уже выучил это. Литургии, кстати, что касается, бабушки мои всегда ходили в церковь туда, где литургии ведутся на чувашском языке» (Евгений С., 31). «Бабушка моя на чувашском читала, мама тоже говорила, что верит в Бога. И молилась. У нас было и сейчас есть Евангелие, которое еще до революции. И я его читал. Мама, когда маленькая была, эти молитвы учила. Она выросла в чувашской деревне, ей было проще. И церковь тогда еще была, не разрушили еще. И она потом три года болела и читала. И я открывал эту книгу и тоже пытался читать. И она повторяла. На чувашском. Молитвы» (Владимир Н., 58).

Приобщение к религиозной жизни в ряде случаев было у респондентов внезапным. Инициация, с одной стороны, связана с глубоко эмоциональными событиями, такими как таинство крещения или отпевание, с другой стороны, необходимостью употребления в этих обстоятельствах чувашского языка: «Сестра когда умерла, я сорок дней каждый день читала. И всю ночь кто-то непрерывно читает молитву. Есть специальные молитвы, когда там кто-то умер. На второй, на третий день, до сорока дней. Подруга моей сестры принесла тогда свою книгу. На чувашском. И потом мы пошли уже с племянницей для себя купили, чтобы потом сорок дней читать» (Раиса А., 59).

Активным билингвам, как представляется, не составило труда использовать чувашский: «Я читала в последний раз на похоронах. Мне не трудно, я читаю очень быстро эти молитвы. Вот когда сорок раз нужно прочитать эту книгу... Молитвослов что ли. Я очень быстро читаю. Я понимаю» (Татьяна А., 32). «А в другой раз племянника батюшка отпевал по-чувашски дома, и он там в конце, когда этот обряд провели, он какие-то пожелания подробно объяснил нам

по-чувашски. На доступном нам чувашском языке, на нашем» (Раиса А., 59). Другие признали, что в первые минуты испытали трудности, а потом справились с возложенной на них задачей: «На чувашском Евангелие видел, конечно, если бы я его читал каждый день и общался, мне бы, конечно, понятнее было, но в основном — понятно. Вот тетка просила прочитать на чувашском языке, отпевание когда было, сорок раз же надо прочитать. И вот мы по очереди читали в течение 15–30 минут. На чувашском читали. Вначале, первые три раза трудно, а потом само собой течет, идет» (Вячеслав И., 56). Пассивным билингвам, напротив, было очень трудно: «Когда отпевали родственников, всегда по-чувашски. Я прислушивался, конечно, пытался читать. Я понял однажды, что ни черта не понимаю. Только отдельные слова» (Анатолий Я., 58). И в некоторых случаях для них, по их собственным словам, это было настоящим испытанием, которое, однако, запомнилось им надолго: «У меня три крестника. Помню в церкви один раз читал по-чувашски, когда крестили. Пришли в храм. Церковь деревенская, поэтому было на чувашском. Батюшка сказал: “Кто-нибудь знает молитву вообще?” Никто не знает. И мне дали бумажку со словами: “Пять минут готовишься и будешь читать!” Я был в шоке! Сперва глазами прочитал. До этого читал пару лет назад. Но я справился. Друзья сказали: “Все отлично! Молодец!” Батюшка, правда, ничего не сказал. Служба, как мне показалось, была частично на чувашском. Я сам не понял, что я прочитал, если честно!» (Евгений Б., 27).

Впрочем, подобные трудности, видимо, испытывают не только прихожане, плохо владеющие чувашским, но и сами священники, также слабо владеющие этим языком и, тем не менее, отправляющие богослужение по просьбе присутствующих на чувашском: «В храмах дома на родине бывал, язык зависит от человека. Вот допустим, поп приходит, последнее богослужение, когда я тетку похоронил на девятое мая в прошлом году. Он начал отпевание на чувашском языке по

просьбе. Потом, видимо, уже не смог и говорит: “Разрешите я перейду на русский язык?” И перешел на русский язык, хотя сам поп — он чуваш. Или, может, у него книги не было, они же не помнят все на память» (Вячеслав И., 56).

Наконец, отметим, что, несмотря на некоторую удаленность, религиозная жизнь членов московской диаспоры крепко связана с малой родиной. Во-первых, именно в Чувашии многие молодые родители планируют проведение крестин своих детей: «Редко ходим в церковь, но крестины маленькой будут, конечно, там» (Наталья С., 32). «Крестить будем там, так хотим мы сами, потому что летом удобнее всю родню собрать и крестные тоже из Чувашии, земляки» (Ольга Т., 32). Во-вторых, проживание вне малой родины накладывает особый отпечаток на отношение этнических чувашей, хотя и пассивных билингвов, к чувашскому языку: для них он становится более «душевным», в том числе благодаря приобщению к церковным таинствам на чувашском. «В Чувашии недавно я была в деревенской церкви, и там батюшка читал, и пелись эти молитвы на чувашском языке. Мне очень понравилось, кстати! Как-то душевнее, мне показалось» (Кристина, 27). Наконец, некоторые, лишь недавно узнавшие о том, что существует богослужебная литература на чувашском, признались: «Вот недавно я прочитала молитвы на чувашском языке, все понятно, по стилю изложения проще на чувашском, чем на русском, просто на русском привычнее» (Елена Т., 34). Те, кто узнал о бытовании чувашского языка в богослужении, заметили: «А вообще, было бы интересно послушать» (Александр М., 44).

6. Эксперимент по сравнению двух переводов Священного Писания на чувашский язык

Как отмечалось выше, перевод Нового Завета, осуществленный Институтом перевода Библии, не получил благословения митрополита Чебоксарского и Чувашского, поэтому

не используется в литургии и, как следствие, не известен респондентам. Однако и перевод Библии, сделанный Российским Библейским обществом, из-за ограниченного тиража не стал общедоступным. Кроме того, по свидетельству Е. Н. Лисиной, переводчика РБО и выпускающего редактора Библии на чувашском языке, прихожане косвенным образом также не способствуют распространению полного перевода Библии. «Все сводится к привычке, особенно у истых прихожанок преклонного возраста: читая старые переводы, не только яковлевской группы, возможно, они многого не понимают, но читают, потому что привыкли к этому переводу, поскольку, как им кажется, «они спасают веру, крепко держатся этой веры» (Е. Н. Лисина в беседе).

Исходя из того что многие чувашаи, возможно, и знают о существовании современного перевода Библии на родной язык, однако никогда не видели сам текст по изложенным выше причинам, нами была предпринята попытка провести эксперимент среди чувашей, жителей московского региона, которые активно владеют чувашским языком и посещают религиозные службы на малой родине, в том числе те, где богослужение проводится на чувашском языке. В ходе эксперимента респондентам предъявлялся небольшой фрагмент из Евангелия от Матфея (глава 14 стихи 58–59) в обоих переводах (условно: текст 1 — яковлевский перевод, текст 2 — современный перевод РБО).

В опросе принял участие 21 человек, в ходе анализа ответов респондентов было выявлено три группы: 9 % респондентов утверждают, что им понятны оба перевода и никаких затруднений при чтении и восприятии текстов у них не возникло, 24 % признались, что им ближе первый текст (перевод яковлевской группы), наконец, третья, самая многочисленная группа участников, составившая 67 % от общего числа опрошенных, полагает, что второй текст (современный перевод Священного Писания) с их точки зрения является более понятным и легким для восприятия.

Что касается первой группы, то здесь, как мужчины, так и женщины оказались носителями низового диалекта чувашского языка. «Везде понятно, везде нравится» — был самый общий отзыв после ознакомления с обоими фрагментами. При этом они сравнили оба текста: «Особо сильной разницы я не вижу, нормально читается и одно, и другое. В первом более вкратце, может, более короткие предложения. Во втором какое-то предложение есть сложноподчинённое, кажется так называется? Когда в одно предложение буквально все занесли. Как в литературе, в книгах. Здесь переведено более литературно. Здесь, во втором, — то, что я учила в школе. Слова вот так пишутся. Слова мои, для меня это правильно грамматически, я бы так написала. Читается хорошо. Оба текста, это настоящий чувашский, как мы считаем» (Раиса А., 59). «Все отлично, читать понятно — хоть в первом, хоть во втором. По-нашему это. По Комсомольскому району это написано» (Петр А., 59).

Вторая группа респондентов (24 % опрошенных), в основном — женщины разных возрастов, ответили, что перевод яковлевской группы им нравится больше. Опрошенные вновь отметили, что в первом тексте изложена более «сжатая» версия новозаветных событий. «Нетрудно читать. Вот второй раз легче, когда читаешь. Но вот первый текст проще, сразу тут говорится, что много народа увидел. А там — во втором — лечил, что, как, а здесь напрямую выходит. Первый понравился больше, проще написано». (Раиса К., 83).

Респонденты данной группы самостоятельно выявили корреляцию между своим «говором» и языком изложения в яковлевском переводе. Часть из них — выходцы непосредственно из Чувашии, носители, в частности, низового и средненизового диалекта: «Первый текст лучше читается и воспринимается. Помягче что ли язык изложен, слова, я имею в виду, как у нас» (Антонина, 26). Другие родились, выросли в районах с компактным проживанием чувашского населения — в частности, в Ульяновской области и в Татарстане,

затем провели некоторое время и в самой республике прежде, чем обосноваться в московском регионе. «Вот здесь мне говор ближе — мое, а чисто чебоксарское — оно как-то мягче, а у нас ближе к русским что ли — поглубе. Вот здесь, в новом, некоторые слова выходят не так, как у нас говорят. Я нет-нет, да посмотрю в старой Библии, когда читаю дома» (Анна М., 65). «Видно, что второй текст скорее из Библии. Лексика в целом схожая в обоих текстах, но сложилось впечатление, что в первом тексте слова проще, а во втором немного сложнее. Мне по лексике первый текст ближе» (Оксана А., 25). Лишь один представитель верхового диалекта отметил, что яковлевский перевод ему кажется проще, только потому, что «верстка на странице не в две колонки, как во втором, а сплошным текстом» (Василий С., 28). Ни один из опрошенных в данной группе не испытал трудностей при чтении яковлевского перевода в старой графике.

Третья группа (67 % опрошенных) включает примерно одинаковое количество мужчин и женщин, однако представителей верхового диалекта здесь заметно больше — 79 %, тогда как выходцев из районов, где распространен низовой диалект много меньше — 21 %. Фрагмент Нового Завета в яковлевском переводе в целом не вызвал при прочтении особых затруднений у низовых чувашей: «Все слова я могу перевести» (Татьяна И., 35), однако фрагмент Нового Завета в современном переводе показался представителям низового диалекта *анатри* (низовой диалект) ближе потому, что «текст читается быстрее и понятнее лишь потому, что в школе учили. Язык чувашский во втором варианте удобнее и ближе. Буквами и написанием» (Татьяна И., 35), «Слова в первом похожи на лексику религиозной литературы больше, а второй текст написан на современном чувашском языке с современной орфографией» (Владимир С., 39).

Наиболее многочисленными в данной группе оказались носители верхового диалекта, уроженцы Моргаушей, Чебоксарского, Шумерлинского и Аликовского районов. Чаще

всего претензии к первому тексту (в яковлевском переводе) возникали у опрошенных в отношении старой графики: «Слова мне понятны, пишутся странно. Вместо буквы *ч* какая-то *т* со значком. Я не сразу поняла» (Надежда И., 23), «Некоторые слова написаны неправильно» (Михаил К., 28), «Некоторые буквы в первом тексте не содержатся в современном чувашском алфавите, что уже усложняет восприятие» (Татьяна Т., 36). У респондентов с филологическим образованием проблем с прочтением не возникло, хотя они также отметили особенность графики в первом фрагменте: «буквы, которые используются в первом тексте, уже не используются, и, если знать, как они читаются, то все легко. Да и правила написания некоторых слов уже другие. Орфография, конечно, изменилась» (Екатерина П., 28), «первый текст — до современной реформы чувашского языка, используется первый алфавит Яковлева XIX в.» (Евгений С., 31).

При ознакомлении с первым фрагментом у некоторых возникли ассоциации с чтением религиозной литературы, в частности — Молитвословом на чувашском: «Там (в Молитвослове — *М. К.*) хорошо написано, ничего не поняла только. Но объясняют там хорошо, содержание общее поняла. Сначала сразу буквы не разобрала, помню, так было и на похоронах, когда молитвы читала. Тогда первый раз еле-еле прочитала книжку, потом три дня читала, пока покойник дома. Тоже как здесь. Раз-два прочитаешь, и уже знаешь, о чем речь» (Зоя А., 59).

В отношении лексики, содержащейся в первом фрагменте, у некоторых респондентов также появились вопросы: «В целом смысл понятен, но некоторые слова завернуты по-другому. Слова только — некоторые я совсем не понимаю, если честно. Как в молитвослове» (Роза О., 45), «Это, наверное, старый язык? Сам язык непонятный» (Аркадий П., 51).

Текст в яковлевской редакции показался малопонятным носителям верхового диалекта и в синтаксическом плане: «Предложения немного криво составлены, на мой взгляд.

В первом какие-то непонятные обороты используются, которые вносят затруднения при прочтении» (Сергей Т., 21), «первый текст читать трудно, потому что словосочетания и предложения не правильно сформированы — на первый взгляд» (Ирина И., 31), «по-моему, построение фраз в первой части сложнее» (Михаил К., 28).

В то же время респонденты, выходцы из районов с распространением диалекта *вирьял* (верховой диалект), отметили безусловную доступность второго фрагмента в современном переводе Священного Писания. «Второй написан более современно и его легче читать» (Сергей Т., 21), «Второй текст — перевод священного писания современными авторами. Для меня особой разницы нет, единственное, читать второй текст гораздо проще. Перевод этот мне понравился, конечно. Он легкий, более усваиваемый» (Евгений С., 31). Респонденты указали на доступность текста в связи с тем, что такому языку их обучали в свое время в школе: «Второй текст редактирован на литературный лад» (Ирина И., 31), «Интересно читать. Вот здесь, во втором, мне все понятно. Здесь как нас учили, как мы на чувашском разговариваем, на языке. Здесь мне все понятно» (Роза О., 45). Понятными кажутся респондентам и лексика, и синтаксис: «Второй текст чуть проще, будто слова выбирались так, чтобы были понятны для всех. Либо как вариант в нашем диалекте используются другие слова, нежели в первом тексте» (Екатерина П., 28), «Тут перевод мне нравится. Полно написано, с описаниями. И начало, и конец понятны. Предложения здесь длиннее (Надежда, 23), «Текст номер два более привычен для восприятия: и лексика, и синтаксис, и графика. Написан литературным языком» (Татьяна Т., 36). Одна респондентка, ознакомившись с современным переводом Библии на чувашском языке, выразила следующее пожелание: «Если бы такой был молитвослов, было бы все понятно; это современно. А здесь все понятно!» (Роза О., 45). Лишь одна опрошенная, признав, что второй перевод дался ей при прочтении легче,

заметила: «Смысл в целом понятен, но в плане лексики, ни то, ни другое не ближе... У нас другой говор. Именно в разговоре, потому что у нас отличается в Моргаушах говор от литературного языка» (Елена Т., 34).

Что касается эмоционального отношения верующих, этнических чувашей к Библии на чувашском языке, приведем слова Анны М., 65: «Я все-таки чувашка, и по-чувашски читается душевнее, иногда бывает такой раздор: что читать? Дай-ка я возьму Библию или молитву на чувашском языке, они ближе. До слез. Я здесь в Москве из родственников одна, я возьму книгу — это мое, родное. И Библия — часть моей жизни, если мне особенно тяжело. Прижму к себе, вот такое родное, это у меня давнишняя книга, 1911 г., и теперь вот эта книга есть, современная, — тоже родное» (Анна М., 65).

По результатам проведенного опроса и сопоставительного анализа фрагментов текстов формируется следующая корреляция: старые яковлевские переводы, в основу которых был положен низовой диалект, родной для И. Я. Яковлева, ближе современным носителям низовых и средне-низовых диалектов. У низовых чувашей, как показало исследование, также не возникает трудностей с восприятием современного перевода Священного Писания. Фрагмент из полного перевода Библии в редакции РБО показался носителям верхового диалекта более современным, в том числе в лексическом плане: за долгое время перевода Библии на чувашский язык литературный язык, в основу которого был положен низовой диалект, значительно обогатился за счет верховых говоров, вследствие чего перевод Библии, изданной в 2009 г., кажется чувашам не только доступным, но и близким.

В дальнейшем планируется провести опрос по переводу ИПБ с участием тех же респондентов.

7. Выводы

Таким образом, в ходе социолингвистического опроса представителей чувашской диаспоры московского региона стало очевидным, что 67 % респондентов в выборке более или менее активно следуют православным традициям, на малой родине им доводится посещать религиозные богослужения, языком которых наряду с церковнославянским выступает также и чувашский. Выбор языка богослужения, по свидетельству опрошенных, зависит от сельского или городского прихода, от конкретного района в Чувашской Республике, от этнической принадлежности священника или певчих в приходе. Впрочем, в официальных источниках эта информация подтверждена или опровергнута не была; более того, по данной проблематике отсутствуют статистические данные. Относительно доступности конфессиональной литературы и литургии на чувашском языке в среде чувашеговорящих нами были выделены три группы респондентов: во-первых, те, кому чувашский язык в богослужении кажется малопонятным (как правило, пассивные билингвы); во-вторых, респонденты, одинаково воспринимающие и церковнославянский, и чувашский язык в религиозной сфере; в-третьих, те, кому чувашский язык в богослужении кажется ближе (активно владеющие чувашским языком). Однако, как правило, в большинстве случаев православные чуваша имеют дело со старыми переводами Библии (Новый Завет и молитвословы), относящимися к XIX – началу XX вв., ввиду того что полный перевод Библии РБО на чувашский язык в 2009 г. вышел крайне ограниченным тиражом, и сегодня еще существует ряд препятствий для его распространения среди широких слоев населения.

Нами была предпринята попытка провести эксперимент, который показал, что яковлевский перевод Евангелия от Матфея ближе носителям низового диалекта,

а также представителям чувашской диаспоры, родом из Татарстана и Ульяновской области. Оба отрывка не вызвали затруднений при прочтении также у представительниц низового диалекта. Самой многочисленной оказалась группа опрошенных, подавляющее число респондентов в которой — носители верхового диалекта, они одобрили современный перевод Священного Писания не только в связи с использованием в нем современной графики, но также и вследствие того, что лексика показалась им ближе. Действительно, за последнее столетие литературный язык, основу которого на начальном этапе перевода Библии составил низовой диалект, значительно обогатился в том числе за счет включения лексических заимствований из верховых говоров.

Литература:

Алос-и-Фонт Э. Исследование языковой ситуации в Чувашской Республике // Сборник статей. *И. И. Бойко, А. В. Кузнецова* (ред.) Чебоксары, 2015.

Берман А. Г. Страницы истории православия в Чувашии в XX веке. Сайт: <http://сувары.рф/ru/content/stranicy-istorii-pravoslaviya-v-chuvashii-v-hh-veke> (дата обращения: 21 марта 2017 года).

Браславский Л. Ю. Православные храмы Чувашии: справ. издание. Чебоксары, 1995.

Гаврилов Ю. А., Шевченко А. Г. Мусульманство в истории и культуре народов России: исламская составляющая российской цивилизации. Москва, 2007.

Мукина И. В. Лексико-семантический анализ лингвоспецифических слов в переводах Библии на чувашский язык // Вестник Чувашского Университета. 2012, № 2 С. 304–311.

Перевод Священного Писания на чувашский язык. РБО. Сайт: <http://www.biblia.ru/translation/show/?9&start=0> (дата обращения: 09.03.2017).

Перевод Нового Завета на чувашский язык. ИПБ.
Сайт:

<https://find.bible/bibles/CHVIBT> (дата обращения 26 июля 2017 г.).

Куцаева М.В.

Куцаева Марина Васильевна
Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия
Kutsaeva Marina Vasilievna
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russia
moscoop@yandex.ru